

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА!

Сергей ЗВЕРЕВ

ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Морской спецназ

Сергей Зверев
Черное золото

«Научная книга»

2007

Зверев С. И.

Черное золото / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2007 — (Морской спецназ)

Черным золотом на российском Каспии называют не нефть, а икру. Из-за нее идет самая настоящая война. Боевому пловцу, спецназовцу-профи Сергею Павлову по прозвищу Полундра новое задание показалось скучным и рутинным. Ну что это – сопровождать судно с радиоактивными отходами, которое идет в волжские воды! Но когда он узнал, что азербайджанская икорная мафия решила устроить в низовьях Волги крупный экологический теракт, понял, что судно надо остановить любой ценой. Даже ценой своей жизни...

© Зверев С. И., 2007

© Научная книга, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Черное золото

Глава 1

Пронзительно звенели цикады в летней ночи. Билось о берег Каспийское море. Весело и уютно подмигивал на горизонте маяк. Махачкала спала, редкие огоньки светились далекими точками в ночной темноте. Часы показывали несколько минут после полуночи. Июньская жара спала, и свежий ночной воздух был особенно приятен.

На военно-морской базе не спали. Горели окна в зданиях, слышались шаги. Повсюду стояли автоматчики, растянувшись цепью вокруг причала. Урча мотором, к причалу подкатил военный грузовик. Вокруг заходили люди, хлопнула дверца. Рядом, у причала, покачивался невидимый в темноте корабль.

– Привет, – пробасил чей-то голос. – Принимай подарки.

– А вы позже приехать не могли? – ответили с корабля. – Вы что – лунатики, дня для вас нету?

– Не умничай. Могли бы – приехали бы раньше. Ты начинай работать, раньше начнешь – раньше кончишь...

– А мне уже все равно спешить некуда.

На палубе слышались шаги.

– Так, все, отставить разговоры. – Голос, произносивший эти слова, принадлежал, похоже, командиру. – Хорош трепаться и вперед за работу!

Возле грузовика сустились фигуры в черных робах. Кузов аккуратно расчехлили. Двое забрались наверх, кран опустил крюк со стропами. В кузове лежали два длинных ящика, первый подцепили крючьями. Кран повернулся, переноса ящик с автомобиля на палубу. Ту же операцию повторили с другим ящиком. Работа велась неспешно, то и дело слышались предупредительные окрики:

– Осторожно!

– Не спеши, спешка нужна только при ловле блох...

В конце концов водитель дал предупредительный гудок, и грузовик задним ходом выехал к полосатому шлагбауму. Работа была окончена.

Чуть позже у курилки собралась компания из нескольких мужчин, принимавших участие в ночной работе. Курилкой называлась большая бочка, на дне которой плескалась вода, туда бросали окурки. Три доски вокруг, установленные на кирпичках, заменяли скамейки. На досках сидели шесть человек. Порхали в темноте огоньки сигарет. Слышалась негромкая речь.

– Я ж тебе говорю – это не торпеда, а зверь! – продолжал разговор грузный мужчина. Свет прожектора упал на его лицо, стали видны темные курчавые волосы и короткая седая борода.

– Ну и что же в ней такого особенного? – поинтересовался подошедший рыжий грузчик.

– А то, что легко и без проблем разносит любую цель, – бросал фразы седобородый. – Хочешь – на море, а хочешь – на суше.

– Такого не бывает! – Рыжий грузчик снял рукавицы и покрутил головой.

– Не бывает? Н-на! – Рыжий не успел опомниться, как курчавый сунул ему под нос промасленный кукиш. – Эта штука твой сарай разбомбит в два счета, если он даже за двести метров от берега стоять будет... Это ж ракета...

– А если на пути забор? – недоуменно спросил стоявший над ними грузчик со шрамом на щеке.

– Помнишь песню: «Спрячь за высоким забором девчонку – выкраду вместе с забором»? – ехидно произнес курчавый. – Так и тут! Хана будет твоему забору!

Компания тихо рассмеялась.

– А почему столько охраны вокруг? – долетел голос.

– Вот потому и столько охраны...

– Да, – протянул грузчик. – Немалые денежки отвалил бы кое-кто за такой вот аппарат.

– Ты, что ли, стратег, продавать ее будешь? – заперхал смехом мужчина в черном комбинезоне. – В два счета на морском дне окажешься. И это в лучшем случае.

Все снова захихикали.

– Ты вообще свою бригаду организуй, – толкнул кто-то рыжего в плечо. – Заказы пойдут один за другим. Я вам и название придумал – «торпедная смерть», ха-ха-ха!

– Да ну вас, – отмахнулся рыжий, поднимаясь. – Только бы языки точить...

– Да, пора, ребята, и по домам, – зевнул грузчик со шрамом. – Сегодня не поспали, а завтра – тем более.

* * *

Когда компания разошлась, на доске у бочки остались сидеть двое: курчавый грузный мужчина и другой, молодой широкоплечий парень, который прежде все больше молчал, не принимал участия в разговоре. Курчавый бросал на соседа быстрые взгляды, закуривая новую сигарету.

– Ты откуда, парень? Что-то я тебя раньше здесь не наблюдал... Ты как оказался на Каспии – с этими, кто приехал? – наконец спросил он.

Молодой пожал широкими плечами.

– Командирован с Северного флота обеспечивать безопасность испытаний. Я тут не один, с тремя инженерами.

– Вроде пастуха, что ли? – курчавый передвинулся по доске ближе, кашлянул.

– Да вроде того, присматриваю за ними. Штатские – народ ненадежный. Ну а в таком деле – сам понимаешь.

Курчавый неопределенно мотнул головой, сплюнув под ноги.

– Эк тебя забросило, да в нашу дыру...

Здоровяк усмехнулся.

– А по мне так у вас и ничего, – он с наслаждением втянул в себя теплый воздух. После наших суровых краев у вас – так просто курорт. Одна Волга чего стоит. А море...

– Курорт... Море... – хмыкнул курчавый. – Это тебе со стороны поглядеть приятно. Лужа это все, а мы здесь как жабы барахтаемся. Кстати, дружок у меня там, на Северном есть, Никешин фамилия. Не встречал?

Парень смешно наморщил лоб и почесал затылок.

– Никешин... Нет, не приходилось.

– Понятно... – Курчавый внимательно посмотрел на собеседника.

Огонек его сигареты вскоре погас.

– А вы где остановились?

– В офицерской гостинице.

Они помолчали. Плеск волн рядом убаюкивал, настраивал на мирный лад. Не хотелось думать вообще ни о чем.

– Ну что, расходимся? На сегодня все? – потянулся могучим телом парень.

– Да, перед завтрашним надо выспаться...

Двое выбрались наверх и потопали по причалу в сторону города.

* * *

Свежее утро дарило прохладу. Черная и страшная ночью, морская вода оказалась утром веселой и зеленой. Пронзительно кричали чайки. Грузный мужчина с курчавыми волосами при свете дня выглядел совсем иначе. Сейчас на нем был мундир капитан-лейтенанта, он оказался командиром тральщика. Стоя у борта, он курил и поплевывал в воду, глядя куда-то в сторону.

Сам тральщик покачивался у причала. Рубка корабля была смещена к носу, ведь боевое траление – то есть процесс обнаружения и уничтожения мин – может привести к взрыву мины в десятке метров за кормой. На длинной и пустой корме была установлена странного вида конструкция, похожая на гладильную доску на скрещенных опорах, только большую.

Экипаж корабля выстроился на палубе. Капитан-лейтенант выслушал рапорт о построении команды. Откашлявшись, он произнес, глядя исподлобья:

– Отдать швартовы. Начинаем.

Чуть в стороне, у борта, стояла группа людей в штатском. Курчавый подошел к ним.

– Ну как, вы готовы? Что-нибудь объясните?

Один из штатских посмотрел на командира, кивнул:

– Да, конечно. Пройдемте в кают-компанию. Лучше будет устроить небольшую лекцию.

– Давно у нас лекторов не было, еще с советских времен, – хохотнул капитан-лейтенант, стряхивая с рукава какую-то пыль. – Помню, приезжал к нам лектор аж из самой Москвы. О чем, дай бог памяти, лекция-то была?.. А, вспомнил, – о вреде курения. Капля никотина, ну и так далее. Ну да ладно, пошли.

Присутствующие вошли в тесную кают-компанию, расселись вокруг стола. Высокий штатский представился главным инженером. Он остался стоять, вынул из сумки и поставил на стол компьютер-ноутбук. Тут глаза длинного сощурились, он весь подобрался. Раскрыл ноутбук, включил. Экран компьютера загорелся матовым светом. Длинный развернул компьютер к аудитории, и все, вытянув шеи, уставились на экран, словно зрители перед киносеансом. Штатский окинул всех взглядом, присутствующие притихли, готовясь слушать. Он навел стрелку на папку, раскрыл ее и принялся зачитывать:

– Вот, господа, хотелось бы, чтобы вы внимательно выслушали мою информацию. Перед нами – установка «Шквал», новейшая торпеда-ракета последней конструкции. Разработка, без преувеличения должен сказать, уникальная. Уничтожает практически любой корабль или подлодку противника. Дальность поражения цели – до 10 километров. Способна развивать скорость под водой до 100 метров в секунду и поражать цели как на глубине, так и на берегу. – Штатский отвлекся и прокомментировал, обводя слушателей взглядом: – Если берег не очень высок, эта стерва запросто вылетает на берег, причем линия полета повторяет рельеф местности.

– Вот черт! – не то удивленно, не то восхищенно воскликнул кто-то из присутствующих.

– Вот именно, – усмехнувшись, подтвердил главный инженер.

Он помолчал мгновение и вновь уставился в экран ноутбука:

– Для запуска торпеды практически не надо никаких приспособлений – вытеснительных систем, пусковых аппаратов. Установка для запуска поставляется с завода с торпедой. – Стрелка прошла по небольшому чертежу на экране. – Приведение установки в готовность занимает минимум времени. Только что вы могли наблюдать, как двое специалистов произвели ее монтаж за два часа.

– Можно вопрос? – перебил кто-то.

– Да, пожалуйста, – произнес инженер, повернув голову в сторону интересовавшегося.

– Почему установка смонтирована перпендикулярно борту корабля? – офицер пощипывал седоватый ус.

Длинный откинулся на спинку стула.

– Все очень просто – иначе струя газов при старте снесет рубку.

Офицер удивленно хмыкнул. Инженер серьезно посмотрел на человека, задавшего столь наивный вопрос, и продолжил:

– Короче, вы поняли. Это что-то вроде ПЗРК «Игла», только для морских целей. – Он сделал паузу. – Такая система идеальна для условий Каспийского моря, поэтому испытания и проводятся здесь. «Шквал» можно установить на любом судне или на берегу. Для примера выбран боевой тральщик «БТ-251». Какие еще есть вопросы?

Командир тральщика кашлянул.

– Как пройдут испытания?

Длинный, объясняя, впивался глазами в человека и словно буравил собеседника.

– Для испытаний прибыли две торпеды, обе не оснащены боевой частью. В качестве цели выбрана одинокая скала вдали от берега. Сейчас мы направляемся к ней, верно?

– Так точно! – кивнул командир тральщика.

– Еще вопросы есть?

Вопросов больше не последовало, и небольшое совещание было закончено. Все вышли. Плечистый старший лейтенант, идя последним, задержался, рассматривая главного инженера, который сворачивал ноутбук. Это был тот самый парень, который разговаривал с командиром тральщика ночью. Старший лейтенант заметил корректно:

– Рискованно носить с собой компьютер.

– Вы так думаете? – Штатский посмотрел на него. – Зато компактно, практично и удобно... И вообще, знаете, ваше дело – следить за испытаниями самой торпеды, старший лейтенант, а не за мной, понятно?

– Так точно! – ответил подводник.

Инженер поднял сумку и ласково похлопал по ней.

– Ничего страшного, компьютер имеет пароль, включить его могу только я, – произнес он, словно оправдываясь. – И вообще, я сплю с ним в одной кровати, – пошутил он, – даже, бывает, в туалет его с собой беру: так что волноваться нечего.

Здоровяк пожал плечами.

Когда они вышли на палубу, тонкая полоска берега уже еле синела на горизонте. Волны наперегонки бились о борт.

Корабль давно вышел в открытое море.

* * *

Испытания прошли успешно. Вечером того же дня старший лейтенант Сергей Павлов, известный в офицерских кругах Северного флота под прозвищем Полундра, знаменитый подводный спецназовец, и три инженера завода, изготовившего торпеду, среди которых был и тот, с компьютером, в спортивных костюмах, уставшие, лежали на койках в четырехместном номере офицерской гостиницы и мирно подремывали. Вставать не хотелось.

Один из инженеров, превозмогая сон, сражался с кроссвордом.

– Товарищи, рыба семейства карповых, шесть букв, последняя – «н». Ну, кто скажет?

– Васильев, утомонись, – поднялась голова с подушки. – Ты уже достал со своими кроссвордами.

Раздался стук в дверь. Дверь тут же распахнулась, словно стучавший был уверен, что ему обрадуются. В номер влетел капитан-лейтенант – командир тральщика.

– Товарищи, отставить сон, еще выпитесь! Успех надо замочить! – заорал он и прошел на середину номера. В руках он держал бутылку шампанского. – Вы как?

Сергей Павлов думал, что им завтра вылетать из Махачкалы. Билеты уже были куплены, но рейс представлялся утомительным, он имел две пересадки. Одна – в Воронеже, вторая – в Москве. Дальше ожидал Питер.

Инженеры сонно переглядывались.

– Ну, я не знаю, – начал было один, протирая глаза. – Я уже неплохо прикемарил.

– Может, ну его, мужики? – спросил Полундра.

– Вставайте! – не унимался командир тральщика. – Все сомнения – к черту! К черту этот клоповник! Недалеко есть частная гостиница «Путь к причалу». Хозяин гостиницы – мой хороший друг. Сейчас он закончил ремонт, гостиница пока пустует. Он приглашает нас!

– С какой это стати? – пробасил Полундра.

Командир тральщика посмотрел на него:

– День рождения, – загадочно объявил командир. – За все уплачено, старлей, расслабься. Если не замочить первый успех, второй никогда не придет.

– Ну что, пойдем? – уже поднялся кто-то из инженеров.

Полундра вздохнул и сел, спустив ноги в разношенные тапочки, которые ему в последний момент сунула в спортивную сумку жена.

– Пойдем, – вяло согласился он. – Куда вы, туда и я.

– Значит, все, – решил командир. – Жду вас снаружи. Ноги в руки и не задерживаемся.

– Ладно-ладно, – отозвался высокий инженер с огненно-рыжими волосами.

– Забирайте вещи, «Путь к причалу» как раз по дороге к аэропорту! – донесся уже из коридора веселый голос курчавого.

* * *

«Частная гостиница»? Черта с два «частная гостиница»! «Путь к причалу» оказался весьма живописным местом. Полундра даже пожалел, что не сразу согласился идти сюда. Аккуратный, словно собранный из детского конструктора «Лего», коттедж высился на берегу моря, посреди зеленой лужайки, которая оканчивалась бетонной дамбой.

Море плескалось в двух метрах от дома – Полундра вспомнил знаменитое «Ласточкино гнездо» в Крыму и решил, что здесь очень похоже. К морю от входа вела изящная каменная лестница, огибавшая клумбу, называемую альпийской горкой.

– Ребятки, и вы еще сомневались, – приговаривал курчавый командир тральщика, ведя всю компанию вперед. – Местечко что надо. Когда вы еще будете на Каспии? Так хоть останутся воспоминания о приятных моментах. Мы ведь не только работать умеем, но и отдыхать.

Двери в гостинице были массивными, из дорогой породы дерева, украшены резьбой. Сбоку висел деревянный молоточек.

– Хочешь – звони, хочешь – стучи. Все как в лучших домах Лондона, – кивнул на царские двери курчавый. – Заходи, ребята!

Роскошь, которая встретила их внутри, поражала еще больше. Дорогие ковры на полу, в которых ноги утопали по щиколотку, приглушали шаги по этой восточной сказке. «Делегацию» встретил хозяин гостиницы, дагестанец, который картинно развел руки и с типично кавказским акцентом громогласно заявил:

– Прошу, дорогие гости, оказать честь этому скромному дому своим присутствием. Проходите, садитесь за этот скромный стол и не обижайтесь, если что не так. Как говорится, чем богаты, тем и рады. Отдыхайте, веселитесь!

Все гуськом прошли дальше в большую гостиную. На первом этаже коттеджа их ждал нарядный, как именинник, накрытый стол. Скромность угощения была, конечно, весьма относительной. Полундра и остальные прямо ахнули, увидев вазы с фруктами на белоснежной скатерти, батареи бутылок дорогих вин и тарелки с ломтями жирного мяса.

Один из инженеров хлопнул в ладоши:

– Вот это я понимаю – финальный аккорд! – Он, словно кот у сметаны, обошел вокруг стола, облизываясь и причмокивая. – Люблю я грешным делом повеселиться, особенно выпить и закусить.

– А после выполненной работы – особенно! – подхватил второй. – Хорошо поработали – надо хорошо и отдохнуть.

– Откуда такое богатство? – спросил Полундра.

– Вам очень повезло! – смеялся хозяин гостиницы. – Все вопросы к моему другу, Бунчуку Федору Даниловичу: он решил профинансировать мой день рождения. Прошу любить и жаловать!

– А? – переспросил уже успевший выпить командир тральщика, сидевший в центре стола. Он поскреб пальцем хрусткую седую бороду, укрывавшую нижнюю часть лица. – Что-то не так?

– Откуда... – начал Сергей, но инженеры, не задававшиеся такими вопросами, ко всему отнеслись значительно проще. Не успел Полундра закончить фразу, как застучали отодвигаемые стулья.

– Давай-давай, – махнул ему рукой Бунчук. – Не задерживай. Приказываю всем занять места за столом и приступить к боевым действиям!

Он пьяно захохотал, брызгая слюной.

Пока все рассаживались, Бунчук бормотал что-то невнятное насчет того, что можно не беспокоиться, что он за все отвечает, и в конце концов коротко, нервно махнул рукой:

– Наливай!

Застолье началось. Дагестанец суетился, ходил вдоль стола, в руках держал двухлитровую четырехугольную бутылку водки.

– Водка холодная, дорогие гости, даже руки обжигает. Так что медлить не будем, – приговаривал он, улыбаясь всем и каждому.

Всем было налито по полной, только главный инженер успел шутливо оттолкнуть руку хозяина, и его рюмка осталась наполовину пустой.

– Ну, за знакомство, – сказал курчавый. – Чтоб пилось и елось, да не последний раз.

Главный инженер, крикнув после опрокинутой стопки, стал накладывать себе на тарелку все те щедроты, что были на столе. Бунчук, фыркая, обгрызал куриную ногу.

Один из инженеров, постучав ножом о бокал, заявил:

– А я хочу поднять тост за сегодняшнего именинника, за хозяина этой прекрасной гостиницы! За того, кто нас пригласил сюда! – Он высоко поднял рюмку.

Застолье было как застолье. Инженеры, выпив, разговорились на заводские темы. Водитель, который подчинялся дагестанцу, рассказывал что-то про карбюратор своему хозяину.

– Серега! – хлопнул по плечу Полундру командир тральщика. – Ты почему в мундире? Явился к столу, словно английский лорд. Бери пример с меня, работа есть работа, отдых есть отдых.

Полундра скосил глаз на свой китель, застегнутый на все пуговицы, – почему-то он был в таком настроении, что захотелось явиться в мундире.

– Ничего, мне удобно, – иронически отозвался он. Сергей пил на равных, но сегодня хмель его брал с трудом.

– А вот зря, – тупо уставился командир тральщика на блюдо ветчины. – Отрываться надо по полной, иначе, – он хохотнул, – начинаешь быстро уставать.

Он сидел рядом с Полундрой, слева. Начав раньше всех, он уже был в приличном градусе. Одет был командир в кожаную куртку, под которой белела рубашка, расстегнутый ворот обнажал волосатую грудь каспийского здоровяка. Яркой змейкой блеснула на толстой шее золотая цепочка. Сергей прищурился.

– Ты мореман, Серго? – спросил пьяный Бунчук, обнимая его.

– Мореман, отстань. – Павлов отстранился.

– Как я могу отстать, если я тоже мореман? – хохотнул Бунчук и ударил кулаком по столу. – Ты мне понравился с первого взгляда, Серго. Пей до дна. Ты ж такой же боевой пловец, как и я – в прошлом, правда...

Сергей удивился насчет боевого пловца, но спрашивать не стал.

Дагестанец, сладко улыбавшийся гостям, то и дело щелкал пальцами, и две девушки, прислуживавшие за столом, появлялись в одно мгновение. То заменяют посуду, то принесут жирный плов, тающий во рту, то включают негромкую приятную музыку. Тосты сменяли один другой. Пили за здоровье хозяина гостиницы, сложного имени которого никто, кроме Бунчука, не мог выговорить. Поднимали бокалы за процветание Военно-морского флота. За Каспий, за Балтику и за Тихий океан.

Ближе к полуночи Сергей огляделся. Компания расположилась вокруг стола в самых разнообразных позах и состояниях, кто как мог.

Бунчук, тяжело облокотившись на стол, всматривался в поднятый стакан водки таким взглядом, будто хотел его испепелить. Сидевший рядом инженер разговаривал по мобильному телефону со своей женой. Он тщетно старался ей объяснить заплетающимся языком, что находится еще на работе.

– Зинуля, я же тебе говорю, мы тут вкалываем. Ну, какие бабы, нет здесь никаких баб! Зинуля, ты же знаешь, что я люблю только тебя. Алло! Алло! – бормотал он в трубку.

Два инженера, стуча ладонями по столу, о чем-то горячо спорили, пытаясь перекрыть друг друга. В общем, вечер был уже в той стадии, когда никто никого уже особенно не слушает.

– Пойду я, мужики, – встал из-за стола Полундра.

– А чего так? – мотнул головой Бунчук, протягивая к нему руку. – Серега, как же мы тут без тебя?

– Оставайся, Сергей! – прогорланил один из инженеров. – Пока все не выпили и не съели, мы никуда не пойдем!

– Спать хочу. Устал, – отрезал Павлов.

– Ну, Серго, ты знаешь, как я к тебе отношусь, – грохнул стаканом об стол Бунчук. – Да мы же с тобой, можно сказать... Эх!

Дагестанец что-то коротко, гортанно крикнул в сторону коридора. Откуда-то появилась горничная – стройная, черноволосая девушка. Ее почти безукоризненную красоту портил только небольшой шрам на шее.

– Идемте со мной, я вас провожу в ваш номер, – приветливо сказала она Сергею.

Поднимаясь за ней по лестнице, Полундра слышал за спиной шум и гам продолжающегося застолья.

– Что-то мы приуныли! – звякнув посудой, пьяно прогорланил главный инженер. – Я хочу танцевать! Где девушки? Мне не хватает женского внимания!

– Сиди, танцор, – пробормотал его коллега. – Обделенный вниманием, хе-хе.

Павлова клонило в сон. Ноги его ступали по великолепному восточному ковру, который прижимали к лестнице позолоченные прутья. Резные балясины в виде каких-то мифических зверей были такими красивыми, что страшно было и дотрагиваться до них. Чеканка и картины дорогой работы украшали стены.

– Вот ваш номер, – горничная открыла дверь под номером «29». – Входите, пожалуйста.

– Спасибо, – устало произнес Сергей, присев на кровать.

– Больше ничего не желаете? – спросила девушка. Ее улыбка стала загадочной и завораживающей.

– В смысле? – удивился Полундра. – Нет, спать буду.

– Спокойной ночи. – И изящная фигурка горничной растаяла в проеме двери.

Посидев пару минут, Сергей решительно мотнул головой и поднялся, глядя по сторонам. Номер, отведенный для старшего лейтенанта Павлова, оказался роскошными апартаментами, которые по сравнению с номером офицерской гостиницы были просто раем. Полундра разделся и влез под душ. Подставляя свое богатырское тело под струи воды, он сладко позевывал. Хмель его сегодня что-то не особенно разобрал, только до одури хотелось спать. Постояв минутку перед окном, глядя на широкую гладь реки, он решительно махнул рукой. Спать! Он завалился на двуспальную кровать, вспоминая сегодняшние стрельбы. Все, кажется, прошло гладко. Свою задачу он выполнил. Как говорится, сделал дело – гуляй смело. Теперь можно было подумать о предстоящей встрече с семьей.

По правде сказать, несмотря на бесконечные разлуки с семьей, Павлов работу свою любил. Даже если его в разгар дня рождения срочно вызывали из-за праздничного стола. Мог ворчать, посылать ее к черту, но все равно понимал, что ничем другим заниматься он бы уже не мог.

Тем временем банкет затихал. Постепенно разошлись и все остальные. Здесь уже все зависело от выносливости и здоровья: кто своими ногами, а кто был доставлен в номер под руки.

В соседнем с Полундрой номере на такой же двуспальной кровати ворочался с боку на бок главный инженер. Он не соврал тогда в разговоре с Полундрой – тонкий компьютер в самом деле был спрятан у него под подушкой. Инженер спал беспокойно.

Луна вышла из-за туч, и ее свет падал на стену, на вентиляционную решетку под потолком. Приблизительно спустя час после того, как все разошлись по номерам, в комнате инженера послышался странный шум. Из решетки выползла трубка, отчетливо чернело отверстие на ее конце. Послышалось едва различимое шипение, словно через трубку пустили газ.

Перевернувшись на другой бок, инженер вдруг подхватился, сел в постели, несколько секунд смотрел вокруг ничего не понимающим взглядом, потом закрыл глаза и с тихим стоном откинулся на простыни. Грудь его мерно вздымалась и опадала – он продолжал дышать.

Тут за окном мелькнула тень – на балкон инженера кто-то спрыгнул с балкона верхнего этажа. Неизвестный напоминал персонаж из детского фильма о ниндзя – на человеке было черное трико, а вот голову обтягивала маска противогаза. Незнакомец толкнул балконную дверь – она оказалась не заперта и едва слышно скрипнула. Гость проник в комнату, осторожно обошел стол, стоявший у окна. Ступал он совершенно бесшумно – на ногах его были толстые шерстяные носки, обувь отсутствовала.

Он приблизился к постели, помахал над лицом лежавшего ладонью – инженер не шелохнулся.

Тогда человек протянул руки к подушке, приподнял ее край. Инженер продолжал храпеть. Человек вытащил из-под подушки ноутбук и вернулся с ним к столу.

За окном луна снова зашла за тучи, и в номере потемнело.

Неизвестный сел за стол и положил перед собой компьютер. Ноутбук легонько стукнул о полированную поверхность, незнакомец повернул голову в противогазе в сторону кровати.

Все было спокойно, трубка в вентиляционной решетке под потолком и газ сделали свое дело – инженер по-прежнему никак не реагировал на присутствие в номере постороннего. Гость с облегчением вздохнул.

Торс незнакомца обтягивал толстый свитер, на груди было несколько кармашков. Незнакомец вынул из кармашка отвертку и приступил к разборке компьютера.

Он раскручивал винты и снимал заднюю панель ноутбука так умело, словно занимался этим всю жизнь. Человек четко и профессионально вынул из компьютера жесткий диск. Положил на стол. Снова раздался стук, более громкий, чем в первый раз, но незнакомец уже не волновался – хозяин номера крепко спал. Он вынул из нагрудного кармана второй такой же диск, положил рядом с первым. Диски выглядели одинаково.

Неизвестный спокойно вставил свой жесткий диск в компьютер, а тот, который вынул из ноутбука, сунул в карман свитера. Затем закрутил установочные винты. Приложил к компьютеру заднюю панель, она тихо щелкнула. Закрутил оставшиеся четыре винта и спрятал в карман отвертку.

Затем, тихо ступая, вернулся к постели, засунул компьютер на прежнее место, под подушку.

Инженер что-то промычал, но остался недвижим.

Неизвестный-ниндзя исчез так же бесшумно, как и появился. Выйдя на балкон, он перелез через чугунные прутья балконной решетки и – пропал. Прошло еще немного времени, и исчезла трубка из вентиляционного отверстия. В номере все осталось, как и было, без единого изменения, только висел в воздухе слабый сладковатый запах, который, впрочем, быстро рассеивался – газ уходил через оставленную приоткрытой балконную дверь.

* * *

Сергей Павлов в эту ночь спал беспокойно. Едва лишь Полундре удавалось расслабиться, как начинало казаться, будто он слышит какой-то шум. Вроде бы скрипнула балконная дверь, но Сергей устал, да и выпитое давало о себе знать. Он переворачивался с боку на бок, но дрема цепко держала его в своих объятиях.

В конце концов он вскочил и сел в кровати. Ноздри явственно уловили запах дыма.

Полундра всполошился. Вскочил, еще не совсем соображая, где он, натянул на себя тренировочные штаны и выскочил в коридор. В конце коридора светила одинокая лампочка, сейчас она была едва видна, все заволок дым. Стену у выхода на лестницу вдруг лизнул язык пламени.

– Черт побери! – Полундра метнулся назад, рубанул по двери ближайшего номера кулаком. – Пожар! Пожар! Выходи! – Он кричал изо всех сил, желая разбудить людей. В соседнем номере не ответили, но в остальных, кажется, слышали. Сергей увидел огнетушитель под лампочкой в дальнем конце коридора, бросился туда. Сорвал его с крепления и метнулся к лестнице, где увидел пламя. Дернул за рычаг и перевернул баллон, направляя струю пены на огонь.

И тут языки пламени появились во многих местах, словно первый этаж был весь объят огнем.

Сергей не выпускал из рук огнетушителя, но понимал, что его усилия напрасны. Пена била по пламени, но его было слишком много и сразу во всех местах.

В конце концов Полундра отбросил опорожненный огнетушитель и бросился по коридору, молотя кулаками в двери всех номеров:

– Пожар! Спасайся! Выносим вещи!

В номерах слышались испуганные крики, двери открывались. Люди, кто в чем, задыхаясь от кашля, выбегали в коридор. В охватившей всех панике один Полундра сохранял спокойствие и направлял людей к выходу. Времени не было совсем – с каждой секундой шансов выбраться на улицу оставалось все меньше.

– Куда... Куда? – хрипло орал мужик с выпученными глазами. Выскочив из своей двери, он заметался по коридору, не соображая, куда ему податься.

Полундра, ухватив его за шиворот, толкнул в нужном направлении по коридору.

Спустя четверть часа Сергей стоял вместе со всеми перед гостиницей, еще недавно такой красивой. Спортивная сумка была у ног Павлова, в ней находились документы, деньги и кое-какие вещи, на ногах были тапочки и тренировочные штаны – а вот мундир остался в номере. И пилотка тоже. Павлов с трудом представлял, как, в какой одежде ему теперь добираться домой. Остальным удалось вынести не так много вещей.

Рядом с Полундрой стояли те, кого он успел предупредить. Горела примерно половина особняка, языки пламени летели в ночное небо.

– Говорят, поджог, – слышался голос сзади. Павлов обернулся и увидел маленького старичка с разводами сажи на сморщенном, как печеное яблоко, лице.

Женщина лет пятидесяти отмахнулась:

– Да какой поджог, дед, чего ты городишь, проводку замкнуло, не иначе. Мой младший у этого дагестанца работал полгода назад, электриком. Так вот он мне и тогда говорил, что проводку менять надо. Вот тебе и... – она выразительно кивнула головой, на которой красовался огромный узел волос.

«Как на маковом пироге», – некстати подумал Полундра.

Люди испуганно жались к бордюру, за которым плескался черный маслянистый Каспий.

Полундра споткнулся о сидевшего на бордюре водителя. Тот был в трусах, майке и почему-то в носках.

– Вот оно как бывает, – бормотал тот, сидя на бортике и мерно покачиваясь. – Выпивали, веселились, подсчитали, – он пьяно икнул, – прослезились.

Люди, ошеломленные, переключаясь, искали друг друга. От пламени стало светло, почти как днем.

– Дима, ты где? – кричал кто-то слева.

Павлов осматривался вокруг, словно что-то старался найти. Вдруг он почувствовал, как по плечу его кто-то сильно хлопнул. Он обернулся – рядом стоял водитель с чумазым лицом.

– Слышь, старлей. Я тут бутылку успел, того, спасти, – подмигнул водитель. – Выпьем? Помянем, так сказать, что сгорело и что осталось.

– Да ну тебя! – набросился на него Полундра. – Нашел время, идиот.

Сердце ему подсказывало – что-то здесь не так. Пожар не мог возникнуть сам собой.

Прибежал откуда-то взволнованный дагестанец. На одной ноге его брюки лопнули по шву, рубашка была перепачкана сажой. Дагестанец что-то кричал по-аварски, долго тряс руками. Сергей подумал, что так и не запомнил его имени.

– Пожарных вызвал? – спросил Полундра.

Хозяин коттеджа кивнул с затравленным видом.

– Звонил с мобилы. Кто это? Кто?! – Он оглядывался и сжимал кулаки. Казалось, он сейчас набросится на любого, кого посчитает виновным в пожаре.

Внимание толпы временно переключилось на него.

– Горюет, – протянула бабка из толпы. – Вишь, горе какое у человека.

Нестарый еще мужчина, по виду бывший военный, ухмыльнулся.

– Это у кого горе-то? У него, что ли? Ворюга! – взвился он. – На какие шиши все это построено? На заводе заработал?! Да ему самое место в тюрьме!

В одном из окон от страшного жара со звоном лопнуло стекло.

– Да что же это такое? – бесновался дагестанец, мотая головой. – Горе мне, горе!

Полундра отвернулся.

– Все наши здесь? – спросил он.

– Все, – мотнул головой водитель. Секунду спустя раздался его же глухой голос: – Главного инженера нет.

Сергей мгновенно сорвался с места.

– Куда?! – застонали в толпе. – Стой, парень, сгоришь!

Не обращая внимания на испуганные крики, Полундра подскочил к балкону первого этажа. Этот балкон был на высоте человеческого роста. Сергей подтянулся на руках, сунул ногу между прутьями решетки, снова сделал усилие и в два счета оказался на балконе – в тренировочных штанах это легко было сделать, а тапочки он сбросил по дороге. Номер инженера

располагался выше, и иначе, чем снаружи, до него добраться было нельзя – со стороны входа все было объято пламенем.

Сергей осторожно встал на ограду, повторил операцию и оказался на нужном балконе. Полундра толкнул рукой балконную дверь и с удивлением услышал звук, который почудился ему ночью. Балконная дверь оказалась не заперта.

В комнате, кроме дыма, чувствовался еще какой-то слабый запах. Полундра затаил дыхание.

Человек неподвижно лежал на кровати.

– Вставай! – Сергей подскочил к нему, но инженер не подавал признаков жизни. Полундра схватил его под мышки, потащил на балкон. Едва они сделали несколько шагов, как в спину им ударило пламя.

– Что такое? – вздрогнув, сонно пробормотал инженер.

– Пожар! – крикнул Полундра ему в самое ухо. – Давай, двигай поршнями. Шевелись, говорю!

– Ноутбук, надо взять ноутбук, – дернулся инженер.

Но было поздно. Оглянувшись, они увидели, что уже весь номер занялся огнем. Нестерпимый жар от пламени бил так, что, казалось, затрещали волосы.

– Что делать, а? – зашевелился инженер. – Куда деваться, а?

Он судорожно схватил Полундру за руку.

– Успокойся! – прикрикнул на него Павлов.

Полундра осторожно перелез и встал с наружной стороны балконной ограды. Помог перелезть инженеру, который уже приходил в себя. Теперь они стояли на кромке балкона и цеплялись руками. Внизу чернело Каспийское море.

– Что делаем? – спросил инженер. От страха его трясло, словно в лихорадке.

– Прыгаем. – Сергей мотнул головой вниз. – Пошел!

Двое оторвались от балкона, и в тот же миг балконный проем выстрелил огнем – в номере обрушились перекрытия.

* * *

Полундре пришлось-таки попробовать водки из бутылки, которую припрятал водитель. Кто-то сунул ему алюминиевую кружку. Сергей сидел под деревом и пил аккуратно, маленькими глотками. Не столько чтобы опьянеть, сколько чтобы согреться.

Мокрые пряди волос падали на лоб. По лицу бегали тени – от огня.

– Я тебе говорил, парень, что продукция пригодится? – сутился возле него пьяненький водитель. Он уже успел отхлебнуть «из горла». – Это, брат, продукт универсальный.

– Не мельтеши, – отмахнулся Павлов. – И без тебя в глазах рябит.

– Нет, ну ты, конечно, парень, герой, – восхищенно заявил водитель. – Как ты этого дохляка вытащил... Из огня, из самого пекла, да в последний момент! Кстати, этого спонсора нашего, Бунчука, увезли уже.

– В смысле? – собирался с мыслями Сергей.

– Ну, «Скорая» увезла. Он не то угорел, не то обгорел, не то его балкой по голове пристукнуло. – Водитель заморгал белесыми ресницами. – Погулял, одним словом. Теперь в ближайшее время по палате гулять будет...

Полундра, слушая его краем уха, перевел взгляд на своего незадачливого спасенного подопечного. Инженер едва не утонул. Плавать он умел, но, видимо, только одним-единственным стилем – «топориком». Упав в воду, он камнем пошел вниз, но его удалось вытащить. Несколько dobroхотов постарались, чтобы его душа раньше времени не покинула нашу греш-

ную землю, – выловили. Сейчас он лежал на траве в метре от старшего лейтенанта, стонал, тер лицо ладонями.

– Компьютер... Там важная информация. Где он?

– Молчи! – бросил ему Полундра. – Говорил я тебе...

Тот притих, но вполголоса продолжал всхлипывать:

– Господи... Господи... Что же теперь будет?

Его плаксивое бормотание ничего, кроме справедливого возмущения, не вызывало. Сам виноват, проворонил ведь, придурок!

В пятидесяти метрах от них красиво, как-то даже по-киношному, догорал дом. Фактически это уже был не дом, а просто остов – деревянные перекрытия сгорели полностью и обрушились, мало что осталось и от крыши. Чернела каменная коробка, груда балок, перекрытий ярко горела внутри нее. На стоянке у крыльца дома замерла пожарная машина, пожарные из брандспойтов поливали угли. Веселые струи с шипением боролись с языками пламени. Двое пожарных растягивали обугленные поленья баграми. Вдруг один из них, оттащив очередную балку, наклонился, поднял с земли черный прямоугольник и направился к инженеру.

– Об этом кричал? – Пожарный держал в руках расплавленный, обгоревший ноутбук. – Держи!

– Вот тебе твоя информация, – сказал Полундра.

Несчастный инженер с воем бросился к долгожданному предмету. После всего пережитого ноги его подкосились, и он упал на землю. На четвереньках, словно какой-то огромный таракан, он на удивление быстро преодолел последние метры. Истощенный крик показал, что находка не слишком его обрадовала.

– Боже... мой... – Инженер в отчаянии попытался открыть черную коробку. У него ничего не получалось, и он снова обессиленно присел на траву. – Это же катастрофа... – Его пальцы дрожали.

Полундра, откинувшись спиной на могучий ствол дерева, провел рукой по лицу.

– Вот черт! – лицо было черным от копоти. Шершавый ствол тер затылок. Ночь заканчивалась.

Наступил рассвет. Пожарные уехали – жизнь не стояла на месте, у них был уже новый вызов. Постепенно толпа разошлась. Кого увезли «Скорые», кого – автобусы МЧС. Местные, из любопытства наблюдавшие за пожаром, пошли по домам – досыпать. Тема, чтобы посудачить в ближайшие дни, у них уже была. У дымящегося пожарища остался милицкий «уазик». Расстрепанный, невыспавшийся старшина, сидя на переднем сиденье, опустил одну ногу на землю. Перед ним у открытой дверцы стоял дагестанец. Старшина проводил допрос:

– Вы хозяин строения?

– Я, – дагестанец кивнул. – Конечно, я, кто же еще?

Он растерянно оглянулся, как будто кто-то у него за спиной мог бы оспорить это утверждение.

Старшина сонным, бесцветным голосом продолжал:

– В пожарку кто звонил? Вы? Вы заявляли, что имел место поджог?

Дагестанец растерянно заморгал.

– Да я, собственно... – Он наклонился к уху милиционера и что-то прошептал. Старшина, явно чем-то заинтересовавшись, изредка кивал головой, слушая торопливый шепот бывшего хозяина бывшего здания.

На пожарище, среди еще дымящихся груд обгорелого дерева, бродили два сержанта, производя осмотр. Один из них периодически записывал что-то в блокнот. Наконец они направились к машине.

– Ну что здесь?

– Хозяин дома утверждает, что причиной возгорания послужила неисправная электропроводка, – деревянным голосом заявил старшина. Теперь он составлял не то акт, не то протокол.

Дагестанец, что-то бормоча, шел вдоль дымящихся остатков, еще несколько часов назад бывших прекрасным зданием. Воздевая руки к небу, он словно призывал его в свидетели своей трагедии. Остановившись, он нагнулся и поднял что-то. Это был кусок резной оправы огромного зеркала, висевшего в гостиной. Лицо дагестанца внезапно исказилось от злобы. Он швырнул обгоревший кусок под ноги и, схватившись за виски, застонал, покачиваясь из стороны в сторону.

Сергей вздохнул, поднялся. Покрутил в руках бесполезную кружку, бросил в траву. Неспешной походкой направился к милиционеру.

– Товарищ старшина, – обратился Полундра, глядя на милиционера сверху вниз.

– Что такое? – раздраженно бросил милиционер.

– У нас самолет через два часа, – сказал Полундра охрипшим голосом. – Не дадите команду подбросить нас? Вам все равно по пути, если поедете в дежурку. А нас четыре человека.

Часом позже Сергей Павлов шел к самолету в аэропорту города Махачкала. Могучий «Ту-154» готовился принять на борт пассажиров. Люди, занявшие места в зале ожидания, с интересом разглядывали прибывшую в последний момент группу. Четверо мужчин – усталого вида, растрепанных – выглядели довольно странно. Спортивные костюмы, сидевшие на них, были перепачканы сажей, а у одного на спине вообще зияла прожженная дыра. У всех были мокрые волосы – пассажиры едва успели умыться в туалете аэровокзала. Наиболее странно выглядел светловолосый молодой парень здорового телосложения. На ногах у него были стоптанные тапочки, штаны порваны на коленях, а поверх майки – какой-то невообразимый пиджак. Сидевший рядом мужчина зашептал что-то своей спутнице, кивая на него головой, но вдруг встретил взгляд блондина, осекся и стал смотреть в окно. И было почему. Здоровяк посмотрел на мужчину так, что всякая охота шутить у того отпала. Единственное, что было в порядке у прибывших, – это документы.

* * *

Через месяц после описанных событий Федор Бунчук в офицерской столовой хлебал украинский борщ, обхватив миску волосатой рукой. На правой щеке виднелись следы недавних ожогов. После того случая, когда, выбираясь из охваченной огнем гостиницы, он получил балкой по голове и едва вышел живым из этой передрыги, три недели он провалялся в госпитале. К счастью для него, все еще обошлось более-менее нормально. Разве что после того случая он стал мрачнее и менее разговорчивым. Брякая ложкой, он то и дело бросал взгляд в сторону входной двери, откуда появлялись новые люди.

Какой-то смешливый офицер точил ляды с молоденькой Наташей, сидевшей за кассой.

– Вот вы мне не верите, Наташенька, а я вам – как на духу. Если я вас с утра не увижу – и день пойдет как попало, и настроение ни к черту. – Он полез рукой в нагрудный карман и достал два билета. – Как хотите, а в воскресенье я приглашаю вас на концерт.

– А что за звезда приезжает? – поинтересовалась миловидная Наташа. И все бы ничего, только слишком вздернутый нос немного портил ее свежее, как майская роза, лицо.

– Главная звезда там – это вы.

– Вам бы все шутить, Андрей, смеяться над одинокой девушкой, – игриво покачала головой Наташа.

– Смеяться? Да вы что? Ни-ког-да! – Мичман картинно поднял руку. – Я вызову на дуэль каждого, кто позволит себе хоть что-то такое в отношении вас.

Наташа захихикала.

Рядом со столиком, за которым сидел Бунчук, послышались шаги. К нему подсел капитан третьего ранга Чередниченко.

– Привет, Федор.

– Здорово, – флегматично отозвался Бунчук, не переставая поглощать содержимое тарелки.

– Как сегодня борщ, ничего?

– Ничего, – прозвучал односложный ответ.

– Я тут слышал, что ты в целую катастрофу недавно попал?

Бунчук поморщился.

– Катастрофа... Да, случился пожар. Обгорел я малость, сам видишь.

– Ну, а на сегодняшний день как ты? В порядке? – облокотился на стол Чередниченко.

– В полном. – Бунчук выловил из борща кусок мяса и, разжевывая крепкими зубами, исподлобья внимательно взглянул на капитана.

– Не потому ли ты выходишь на пенсию? – улыбаясь, произнес тот. – Или просто служба надоела?

Бунчук отвлекся, оставив миску.

– Ты зачем интересуешься?

– Надо! Я вообще, если знаешь, лишних вопросов не задаю.

– Ладно! – Бунчук показал два пальца. – Ухожу через два месяца, но пенсия такая, – он криво улыбнулся, – что только дурак согласится жить на нее.

– А что ж делать будешь?

– Икрой на базаре торговать!

В Дагестане икрой в последние годы торговали от мала до велика все, этот браконьерский промысел приобрел просто невиданные масштабы, в том числе и благодаря милиции, которая прикрывала браконьеров. Те отчисляли процент с прибыли коррумпированным милицейским начальникам. Черная икра была востребована – она с большим успехом продавалась на развес и в самодельной таре во многих городах бывшего СССР.

– Послушай, Бунчук... – начал было Чередниченко.

Из громкоговорителя, висевшего на стене, донеслось:

– На ближайшие сутки объявляется штормовое предупреждение, каботажные рейсы в Астрахань отменены.

– Смотри ты, бедному жениться – ночь коротка, – усмехнулся Чередниченко. – Свою завтрашнюю рыбалку не отменяешь?

Бунчук махнул рукой.

– Мне все равно! На моем веку было столько этих штормовых предупреждений! Если налетит шторм, я успею вернуться.

– Ну, дело твое, – задумчиво сказал капитан. – Береженого бог бережет.

– Ладно-ладно, – Бунчук отставил миску и вытер рот. – Знаем, бывали.

В столовую вошла группа офицеров. Один из них махнул Чередниченко рукой. Тот поднялся и подошел к нему. Они недолго о чем-то переговорили, и капитан третьего ранга, оглянувшись, быстро вышел на улицу.

Бунчук взялся за второе. Видно было, что он о чем-то напряженно размышляет. На его лице возникла и несколько минут не сходила однобокая застывшая усмешка.

* * *

Вечером того же дня у берега, где стояли лодки, у деревянного причала покачивался на волнах небольшой катер, выкрашенный в синий цвет. На носу катера затейливой вязью

было выведено: «Анжелика». На палубе суеился сосредоточенный Бунчук. В его руках были две тяжелые герметичные сумки. Зазволивший мобильник ненадолго отвлек его, и, коротко переговорив, он снова взял сумки в руки и стал спускаться по трапу в каюту.

В эту минуту на причале рядом с катером остановился пожилой мужчина в тельняшке.

– Как дела, Бунчук? Куда собрался?

Бунчук замер на полпути, скривился.

– Хочу выйти на рыбалку на пару дней.

– А это что? – мужчина кивнул на тяжелые сумки.

– Как что? – Бунчук посмотрел на мужчину. – Жратва. Запаяна, чтобы дождь не намочил.

– Ну-ну.

– Что – ну-ну? Что ты здесь ходишь? Я за стоянку заплатил? Заплатил. Какие претензии?

– Да ты, Бунчук, не кипятись, – примирительно сказал человек на берегу. – Все в порядке, я просто хотел увидеть живого человека. Издали видишь, кто-то копошится, а кто – не знаешь. И потом, поговорить тоже не с кем. – Старик вздохнул и поковылял дальше.

Бунчук посмотрел ему вслед и покачал головой. «Смотри ты, ему на тот свет уже пора собираться, а надо влезть во все: что, куда и почему». Раздраженно плюнув, он пошел в каюту.

От города к причалу спускалось шоссе. Вдали на нем показался быстро приближающийся мотоцикл, который нес двух седоков. За рулем сидел молодой человек в шлеме. К нему прижалась красивая девушка в кожаной куртке, шлем на ее голове отсутствовал, длинные белокурые волосы развевались на ветру.

У причала мотоциклист заглушил двигатель. Девушка сошла с мотоцикла. Мотоциклист махнул рукой и потянулся к спутнице, чтобы обнять, но ничего не вышло. Та, рассмеявшись, хлопнула парня по плечу и отстранилась.

– Но-но, не забывайся.

– Зря ты так... – умильно склонил голову мотоциклист.

– Мне лучше знать, Славочка. Бай-бай, – она легонько помахала пальчиками.

– Так когда же мы увидимся, Анжелика?

– Не знаю, – пожала плечами красавица. – Позвони...

Она отвернулась, дав понять, что разговор окончен.

Мотоцикл, взревев, укатил, девушка осталась. Рядом с ней на асфальте лежала большая спортивная сумка.

Спустившись с катера, к девушке подошел Бунчук.

– Все так же динамишь парней? – подмигнул он ей.

– Да, а тебе какое дело?

– Ну... – Отец с улыбкой рассматривал ее лицо. – Пора бы уступить хоть одному...

– Не лезь в мои дела! Говорила же тебе – не лезь! А ты лезешь.

– Хорошо. – Бунчук принял серьезный вид. – Теперь к делу. Ты привезла все, что я просил?

– Ну да, разумеется. – Девушка указала рукой на спортивную сумку. – Вот, здесь запасной баллон. Ты не передумал?

Он медленно покачал головой.

– Назад пути нет. Ты не волнуйся, все будет в порядке. – Он подхватил сумку и зашагал с ней по узкому трапу на катер. Там он отнес сумку в каюту и поднялся на палубу. Затем снова спустился на причал.

– Ну...

Отец и дочь обнялись.

– Может, все-таки ты со мной? А, дочка? – отстранившись, спросил Бунчук, держа ее за плечи.

Девушка смотрела на отца с любовью, однако помотала головой.

– У меня важное выступление перед французами. Сегодня одно, завтра еще два. Поток... Я, папа, не пропаду! И вообще – не пытайся изменить мою жизнь. Мы же договорились: у тебя своя жизнь, у меня – своя.

– Да, милая. А ты не забывай мои уроки. – Бунчук погладил красивые волосы дочери.

...Мотоциклист, тот самый, который отвозил Анжелику на причал, выехал с территории порта на дорогу, ведущую вдоль моря. Он остановился, поставил мотоцикл на подножку и присел на обочине. Достав мобильный телефон, он набрал номер.

– Да, это я. Все нормально. Отвез ее на причал... Катер здесь. – Он повернул голову в сторону моря. Ветер трепал его льняные волосы. – Нет, его я не видел. Хорошо, я понял. Все.

Закончив связь, он достал пачку сигарет и закурил, глядя на море, раскинувшееся внизу. Затем, встав, вновь оседлал мотоцикл и через несколько минут исчез за поворотом.

* * *

Рядом с пирсом стоял небольшой щитовой домик. Внутри уютно горела лампа, за столом сидел тот самый загорелый старик в тельняшке, который разговаривал с владельцем катера. На столе лежала газета «Каспийская правда». Рядом дымилась большая кружка с горячим чаем. В руках у старика был бинокль, он через окно осматривал море. Действительно, как и обещал прогноз, погода быстро портилась. Небо, еще недавно солнечное, затягивали темные тучи. Они угрожающе наползали одна на другую, окрашивая небо в почти черный цвет.

Увидев синий катер, старик покачал головой. Волнение на море усиливалось, но катер, несмотря ни на что, отдалялся от берега.

– Вот, черт побери, отчаянный, – прошептал сторож.

Несмотря на небольшие размеры, катер Бунчука был прекрасно оснащен. На нем имелись система GPRS, запас пресной воды, продовольствия и другие очень полезные вещи, так необходимые в море. Довольно быстро кораблик исчез среди белых бурунов.

Увлеченный своими наблюдениями за морем, старик не заметил, как рядом с домиком затормозил военный «уазик». За ним остановились милицейские «Жигули» со включенной мигалкой. Мигалка погасла, хлопнули дверцы. Двое милиционеров вышли из «Жигулей» и устремились за высоким человеком в сером пиджаке, который вышел из «уазика».

Все трое поднялись по лестнице, без стука вошли в домик.

– Добрый день! – обратился к старику высокий. – Я старший следователь городской прокуратуры Гордеев Петр Валентинович... – Мужчина предъявил служебное удостоверение. – Нас интересует катер номер... – Он зачитал номер по бумажке. – Хозяин катера – Бунчук Федор Данилович, 1946 года рождения. Где он?

Загорелый пожал плечами и подвинул к гостям журнал.

– Вот, сами убедитесь, катер взят хозяином, все по закону, – прошепелявил он. – Стоянка оплачена на месяц вперед, а вот роспись владельца. В восемнадцать, – сторож бросил взгляд на часы, – восемнадцать двенадцать, то есть полчаса назад. Подпись его, вот, смотрите.

Гордеев поглядел на милиционера, нервно теребя щеку.

– Ха, упустил, значит, – хмыкнул милиционер.

Высокий скривился, выхватил мобильный телефон, набрал номер:

– Товарищ военный прокурор, он на катере. Нет, далеко уйти не мог, придется звонить пограничникам. Отследить радаром? Пожалуй, не получится. У него судно меньше ста тонн...

И правда, все знали, что судно водоизмещением менее ста тонн радар не брал.

Высокий и милиционеры так же стремительно, как и появились, покинули домик на берегу. Порыв ветра открыл дверь. Она, скрипя, заходила взад-вперед. Старик приподнялся из-за стола, притворил ее и задумался, стоя у окна. Он был в недоумении, не мог понять, чем мог заинтересовать милицию и военную прокуратуру Федор Бунчук.

Затем он махнул рукой. Шаркая старческими ногами, вернулся к столу, присел на стул и взял в руки кружку.

– Вот и чай остыл, – пробормотал старик. Зевнув, он раскрыл газету и, близоруко шурясь, углубился в чтение.

* * *

На все более усиливающихся волнах покачивался сторожевой корабль. Его командир кричал в трубку телефона:

– Что? Бунчук? Перехватить катер? С какой стати? Объявлен в розыск? Что ж вы, черти, до шторма не сказали? Военная прокуратура? ФСБ? Черт! – Он хлопнул трубкой по рычагу и сказал в переговорное устройство: – Все машины – вперед. Самый полный.

– Что такое? – в рубку вошел старпом.

– Бунчука помнишь? – произнес командир сторожевика, не отрывая взгляда от прибор. – Того самого, что так замечательно поил нас коньяком год назад? Ты еще приставал к его дочке?

– О да. – Старпом помнил девушку, которая сперва вроде как была не против, но едва он в темном коридоре позволил себе лишнее, отправила его на землю вполне профессиональным приемом дзюдо. – Если доченька такая, то и папашка – ого-го.

Командир кивнул на телефон.

– Сейчас ему шьют измену Родине, шпионаж. Приказ – перехватить катер, на котором Бунчук только что вышел в море.

Старпом присвистнул, но быстро взял себя в руки.

– Приказ есть приказ, наше дело маленькое, приказ поступил – мы выполняем.

– Это точно.

Сторожевик снялся с якоря и, вздымая вокруг себя буруны белой пены, поспешил в указанный квадрат. Шторм надвигался неумолимо.

* * *

Катер перехватить не удалось. Его обломки были обнаружены приблизительно через полчаса после окончания шторма, который, несмотря на то что бушевал с огромной силой, кончился довольно быстро. Среди обломков, покачивавшихся на воде, нашлась как раз та доска, на которой стояли название «Анжелика» и номер, указанный в журнале лодочника. Все было ясно, версия о крушении катера – учитывая непогоду, волнение и шквалистый ветер, – не вызвала сомнений.

Выловили и несколько личных вещей Бунчука. В числе остальных была его шутивая кепочка, которую Бунчук носил в свободное от работы время.

Следователь Гордеев продолжал заниматься этим делом. Свой следующий визит он нанес Анжелике, дочери Бунчука.

Машина военной прокуратуры, въехав в арку, остановилась у восьмизэтажного дома. Гордеев, выйдя из машины, подошел к подъезду. Маленькая собачонка, выбежавшая откуда-то из-за угла, с яростным лаем обрушилась на него. Гордеев, остановившись, топнул ногой, но она не отставала.

– Вот дрянь! – пробормотал он, открывая входную дверь в подъезд.

Собак Гордеев ненавидел еще с детства. Впрочем, эта ненависть была взаимной. После того как в десятилетнем возрасте его жестоко искусила немецкая овчарка, Гордеев с огромным удовольствием отправил бы всю эту четвероногую братию на мыло, однако его скромная должность не обеспечивала такими полномочиями.

Войдя в лифт, он сверился со своими бумагами и нажал на кнопку седьмого этажа. Девушка-блондинка, открывшая дверь квартиры номер 124 после звонка, отступила на несколько шагов назад. Лицо ее было очень ярким, красивым, но вот глаза выдавали человека совсем не сентиментального.

– А вы кто? – спросила она, вглядываясь в бесцветное, незапоминающееся лицо незнамого гостя.

– Здравствуйте, я старший следователь городской прокуратуры Гордеев Петр Валентинович. Позвольте войти? – корректно спросил незваный гость.

– Да... Заходите, – растерянно произнесла Анжелика, явно не ожидая такого гостя. – А в чем дело?

– У меня к вам есть несколько вопросов, – ответил Гордеев, снимая туфли.

Пройдя в гостиную, он удобно расположился в предоставленном кресле. Достав папку, он раскрыл ее и поднял лицо к Анжелике, которая, не присев, нервно стояла напротив.

– Когда вы последний раз видели своего отца? – внимательно взглянул на нее следователь.

– Он вчера собирался на рыбалку. Мы виделись с ним вечером, перед отходом катера. – Девушка обеспокоенно стиснула губы. – Что случилось?

Когда следователь рассказал о гибели катера, девушка приложила руки к бледным щекам и медленно осела на пол.

– Вот черт! – растерялся Гордеев. Такого он никак не ожидал. Внезапный обморок поломал все его планы нажима на Анжелику. – Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнул он.

В квартире было тихо. Гордеев вскочил и быстро обошел все комнаты. Но никого, кроме него и потерявшей сознание прекрасной девушки, в квартире не оказалось. Следователь, вернувшись, склонился над ней.

– Э-э-э, послушайте, – тихонько потряс он ее за плечо. – Девушка...

Та не отвечала. Гордеев вконец растерялся. Как быть в такой ситуации, он не знал. В голове пронеслось что-то насчет искусственного дыхания, но делать он его тоже не умел. Да и как бы это выглядело? Он набрал «03».

– «Скорую» срочно! – выкрикнул он в трубку. – Девушка потеряла сознание. Да! Проспект Космонавтов, четырнадцать.

Затем, положив трубку, он еще раз попытался самостоятельно привести Анжелику в чувство. Набрав воды в стакан, он подошел к ней и задумался, а что же с ним делать? Он уже было набрал воды в рот, чтобы прыснуть девушке в лицо, но раздумал. «А, пусть доктора разбираются!»

Сколько Гордеев себя помнил, он никогда не был особенно романтичным. Да и специфическая работа не располагала к проявлению чувств. Но вот подобная ситуация, да еще с такой красавицей, как-то выбила его из душевного равновесия. Взглянув на лежавшую Анжелику, он еще раз прошелся по квартире, осматривая ее взглядом профессионала. На кухне у окна лежал толстый и пушистый кот. Он приоткрыл глаза, посмотрел на Гордеева и снова погрузился в блаженную дремоту. На столе стояла недопитая чашечка ароматного кофе. Рядом – пачка сигарет, зажигалка. В спальне внимание следователя привлекла приоткрытая сумочка. Он подошел и нагнулся над ней, но тут в дверь позвонили. «Скорая» приехала на удивление быстро.

– Ну, кто тут у нас сознание потерял? – громогласно пробасил вошедший врач, мужчина лет пятидесяти, с пышными, уже седоватыми усами.

– Проходите вот сюда.

Анжелика уже к тому времени очнулась и старалась привести себя в порядок.

– Вот, выпейте, – суетился рядом Гордеев со стаканом воды.

Врачи сделали девушке укол. Гордеев проводил врача до дверей.

– Ну что с ней, доктор? – обеспокоенно спросил он.

– А вы ей кем приходитесь? – врач поправлял рукав своего белого халата.

– Я следователь.

– Следователь? Забавно, – хмыкнул врач. – У нее был глубокий обморок.

– Понимаете, доктор, я сообщил ей по долгу службы, так сказать, о гибели ее отца. Вот она и...

– Все ясно. У вас что, к ней какие-то вопросы?

– Да, действительно, есть ряд вопросов.

– Послушайте, молодой человек, как врач я вам могу сказать одно: на три дня оставьте ее в покое. – Врач остановился в дверях и взглянул на Гордеева. – Дайте девушке прийти в себя. Понимаете?

– Все понятно, благодарю вас, доктор. Всего хорошего.

Врач, выходя, буркнул что-то себе под нос, закашлялся и пошел к лифту.

Гордеев постоял еще немного в дверях, что-то обдумывая, и вернулся в гостиную, к Анжелике.

– Лежите-лежите, вы что же, не слышали, что сказал врач? Ну что ж, я вам соболезнаю, Анжелика Федоровна, и пока оставляю вас.

– Пока? – Девушка быстро подняла все еще бледное лицо.

– Да, пока. Мне бы хотелось с вами еще поговорить о некоторых проблемах.

– Чьих проблемах? – резко проговорила Анжелика.

– Всего хорошего, я вам позвоню. Лежите, дверь я сам закрою, – Гордеев улыбнулся одним только ртом.

Когда щелкнул замок входной двери, Анжелика еще несколько минут лежала, уставившись в потолок. Затем ее лицо исказила резкая гримаса, и она, схватив цветастую подушку, с криком швырнула ее от себя.

* * *

Военный «уазик» остановился у здания прокуратуры. Из нее вышел с папкой в руках следователь Гордеев. Войдя в здание, он предъявил пропуск и стал подниматься на второй этаж. Остановившись перед кабинетом прокурора, он пригладил волосы и, помедлив мгновение, вошел. Прокурор Алексаненко, грузный мужчина лет пятидесяти, с густыми бровями, кивнул на стул напротив себя.

– Пришел? Рассказывай, как дела! – резким, неприятным голосом сказал он.

– Спасибо! Нету дел! – в тон ему, присаживаясь, отозвался Гордеев.

– Не тяни! Что конкретно ты можешь сказать? – Прокурор выразительно смотрел на Гордеева, постукивая пальцами по столу.

– Не верю я в то, что он погиб! – взволнованно говорил следователь. – У него друзей – полный город и не только. Сам он в прошлом – боевой пловец, один из опытейших в Каспийской флотилии. И причин бежать у него было многовато – наверняка подготовился! Безусловно, все это – имитация...

– Вашей веры мало, нужны доказательства...

– Доказательства будут, я работаю над этим.

– Работа, работа... Мне факты нужны!

Гордеев развел руками.

– Пока что насчет фактов мы не богаты.

– Ладно, допустим. – Прокурор что-то записал на полях напечатанного документа, лежавшего на его столе. – И все же – какова ваша версия?

– Версия проще некуда, – осклабился Гордеев. – Удрал в Иран Бунчук, вот и все!

– Причина? Основания?

– Основания для моих выводов – квадрат, в котором были найдены обломки катера, в нейтральных водах! Бунчука запросто мог подобрать иранский корабль. Но основная причина в том, что против него заведено следствие. А он знал об этом – и что он, сложа руки сидеть будет? И денег мог поднакопить, вот месяц назад, например, было непонятное дело с пожаром в частной гостинице, этой, как ее, «Путь к причалу»... – Гордеев раскрыл папку, которую принес с собой, посмотрел. – Я поднимал материалы, так участковый акт составил, какой полагается при пожаре. Бунчук находился там в ночь пожара! Правда, сам погорел, да и причину установили – неисправность электропроводки. Однако это ничего не меняет, ему могли такие деньги отвалить за эту чертову торпеду...

– Какую торпеду? – прокурор прищурился.

– Да эта торпеда... «Шквал»...

Прокурор резко встал из-за стола.

– Послушай, Петя, меня на этот раз очень внимательно. А я тебе скажу – не суйся не в свое дело. – Он налил воды из графина и медленно выпил ее мелкими глотками.

Гордеев недоуменно посмотрел на начальника. Они работали вместе долго, но порой он не мог понять прокурора. Так было и в этот раз.

Алексаненко тем временем заключил:

– Спасибо, ваш рапорт остается у меня, сами можете быть свободны.

– Как свободны? – уставился прямо ему в глаза Гордеев. – Я же все изложил и думаю...

– Товарищ Гордеев, напоминаю о субординации! – Прокурор почти кричал. – Думать за вас будут другие. Если я говорю вам заниматься делом, вы занимаетесь! Если я говорю – стоп, вы прекращаете дело! Как поняли?

– Вас понял, так точно... – Гордеев побледнел.

– Прекрасно. Если поняли – я вас не задерживаю, – прокурор хлопнул ладонью по столу, ясно давая понять, что разговор окончен.

Гордеев встал и на подрагивавших ногах вышел из кабинета. Он многое понимал, но из внезапно переменившегося настроения прокурора не понял ничего.

...Прокурор же, оставшись один, набрал номер телефона.

– Да, это я. Товарищ генерал, упустили, похоже, Бунчука, – сказал прокурор. – Все материалы дела я вам передам. Что?

– Разумеется, прокол. Но докладывать о проколе не будем, – подумав, ответили на другом конце провода. – Обойдемся своими силами.

– Как? – прокурор жадно вслушивался в слова собеседника.

– Как, как, не знаю как! Выкрутимся! Кто-то уйдет на пенсию раньше положенного срока по состоянию здоровья! Раздолбая следователя понизим в звании, и все дела. И остальные получат по заслугам.

– А дочка?

– Какая дочка? – генерал непонимающе сморщил лоб.

– Дочка этого Бунчука. Что делать с ней? Вряд ли она чистая.

– Она что, по-прежнему задницей крутит? – хмыкнул в трубку генерал, что-то соображая.

– Не задницей, животом. Известная штука!

– Ну, пусть себе крутит. – Генерал вздохнул. – Папаша ее с собой не взял – выходит, чиста. А папашка-то – утонул, по всем формальным признакам. Выходит, так и наверх доложим. – Он улыбнулся. – Остальные нюансы вряд ли выплывут. Пусть наверху попробуют доказать обратное – что он не утонул!..

И в самом деле докладывать наверх о проколе не стали, тем более что по всем формальным признакам смерть «на рыбалке» была налицо. Кого-то понизили в должности, у кого-то сняли с погон одну звезду, кого-то отправили на пенсию. И вскоре об этой истории начали забывать.

Глава 2

Прошло два года.

В Санкт-Петербурге заканчивалось время белых ночей. Тьма уже окутывала в ночные часы город, но светало рано, и Питер в эти минуты хранил какие-то особенные, чистые контуры.

На рассвете одного из таких дней на верфях кораблестроительного завода «Адмирал-теец» царил суматоха. С шести утра вокруг административного корпуса разъезжала поливочная машина, сбивая шипящими струями с асфальта пыль. Немного погодя во внутризаводские скверики вышли рабочие в комбинезонах и административный персонал в халатах – всем было приказано убирать территорию. Субботник длился до девяти часов утра.

– Что ж за марафет-то такой, Петровна? – обратилась пожилая женщина к своей соседке, подметавшей асфальт.

– Так ведь гостей должно приехать много, – словоохотливо отозвалась та, поправляя косынку. – И наши, слышно, и не наши.

– А я, Мария, за свою жизнь, пока работала здесь, повидала, почитай, всех. Я ведь еще девчонкой корабли-то строить пришла. Вот аккурат после блокады и взялась. У меня ведь тогда и мать, и двое братьев померло. Одна я тогда осталась. Вот и...

– Меньше разговоров, тетки! – налетел на них низкого роста мужчина, с виду начальник. – Потом наговоритесь.

В десять через проходную на территорию завода проехал кортеж, состоящий из двух черных «Мерседесов», белой «Волги» и черного «БМВ». Кортеж остановился у административного корпуса.

Из первых двух машин вышла охрана, охранники бегло осмотрели прилегавшую территорию, собрались в одном месте, перебросились парой фраз и стали спинами к машинам.

Из третьего «Мерседеса» вальяжно вышли несколько высших офицеров в форме российского Военно-морского флота. Это были вице-адмирал Петр Ефремович Головин – заместитель командующего Балтфлотом, контр-адмирал Николай Иванович Коноплев, член Генштаба, два офицера рангом ниже.

Из белой «Волги» выбрался упитанный мужчина в полосатом костюме, видимо, иностранец. Черные курчавые волосы его были подстрижены так, что образовывали сверху ровную поверхность. Казалось, на нее можно было поставить кружку с пивом.

На пальце мужчины красовался золотой перстень, каплеобразные затемненные очки скрывали пол-лица. Над верхней губой шла тонкая ниточка усов.

Мужчина щелкнул пальцами, и персональная охрана – такие же упитанные уроженцы Востока в дорогих европейских костюмах – окружила его. Он отдал несколько команд, после чего с ним остались советники – два человека. Охрана двинулась вперед. Осмотрела близлежащие кусты, вызвав недоумение рабочих, которые любовались на прибывших.

В толпе наблюдавших рабочих раздались смешки.

– Слышь, Николай, это чего ж они там в кустах найти желают? – ехидно поинтересовался один из рабочих, заперхав мелким смехом. – Я думаю, не иначе как бомбу, а?

– Не, я думаю, что танк, – ответил ему второй, в заводском берете, из-под которого выбивались ярко-рыжие кудри. – Ведь ты подумай, а вдруг вылезет, да и прямой наводкой. Ни тебе иранца, ни охраны. Дай закурить.

Восточный мужчина, поглядывая в стороны, довольно улыбался. Пока все, что он видел, приводило его в восторг, все ему здесь нравилось.

Гостем с Востока был специальный представитель иранского правительства Али аль Хусейн Хошейни, который прибыл в Санкт-Петербург, чтобы присутствовать при спуске на воду корабля, изготовленного по заказу Исламской Республики Иран.

Кораблем этим был тральщик. Для завода заказ, полученный от южных соседей, оказался весьма неплохим. В условиях, когда нужны деньги, российская сторона охотно заключала договоры на изготовление военных кораблей для самых разных стран мира. Особенно, если речь шла о типовых российских проектах.

Начальство завода, как и руководство Министерства обороны, не особенно вдавалось в подробности, почему был заказан именно тральщик. Есть заказ – выполняем работы! К тому же сегодня – тральщик, а завтра мог поступить заказ и на иной корабль. Главное – деньги, работа, занятость рабочего персонала.

На порог административного корпуса вышли представители заводской администрации: директор завода Павел Аркадьевич Барышников, заместитель директора, главный инженер и начальник отдела кадров. На лицах заводского начальства, как по команде, одновременно засияли улыбки, одна шире другой. Такой же улыбкой ответил им и Али Хусейн.

– Здравствуйте, очень рады таким гостям, – прогремел директор завода, колыхаясь тучным телом. – Все готово, как говорится, в лучшем виде. Так что просим, просим...

Рядом с иранцем стоял переводчик, который, наклоняясь с высоты своего роста к самому уху Хошейни, передавал ему все сказанное. Специальный представитель, сохраняя на губах улыбку, кивал, поблескивая глазами.

Переводчик, выслушав сказанное ему иранцем, произнес:

– Господин Хошейни говорит, что за время его деятельности ему приходилось бывать на самых разных мероприятиях, в том числе и такого профиля, но ваш завод действительно впечатляет... – Он поправил синий в желтых крапинах галстук и продолжил: – И своим размахом, и порядком, и, конечно, самое главное – людьми.

– Приятно слышать, – не остался в долгу директор.

Обменявшись рукопожатиями с представителями администрации завода, гости вошли в административный корпус. По ходу директор объяснял расположение помещений, рассказывал историю предприятия. Иранец слушал, кивал.

Работы по уборке цехов и территории давали себя знать – судовой верфь сияла чистотой. Посреди открытого пространства верфи, на стапеле – бетонной площадке, которая имела уклон к воде, – стоял на кильблоках новенький тральщик. Корабль был изящен, красив. Он напоминал молодого, устремленного вперед бойца, готовящегося к решительным действиям. Иранец долго цокал языком и щелкал пальцами. Гостя специально подвели так, чтобы корабль предстал в выгодном ракурсе, – и иранец, похоже, купился. Иранец гортанным голосом делился впечатлениями со своими советниками. Затем обернулся к вице-адмиралу Головнину и показал большой палец.

Головнин развел руками:

– Да, что умеем, то умеем, грех жаловаться. Я вам так скажу: еще со времен Петра Великого Россия стала мощной морской державой. – Адмирал говорил важно, голова была гордо поднята. – Мы ведь как – окно в Европу-то прорубили, но ведь всегда находились и желавшие это окно законопатить. Поэтому что триста лет назад, что сегодня – корабли мы делаем на славу. Уж будьте спокойны!

Переводчик озвучил слова своего начальника:

– Я в восхищении, это действительно красиво.

– Ишь ты, нравится, – процедил сквозь зубы контр-адмирал Коноплев. – Будем надеяться, он подпишет все бумаги...

Возле тральщика стояла толпа рабочих. Разматывали провода телевизионщики, появилась камера на треноге, рядом фырчал легковой автомобиль с эмблемой телеканала на борту.

Миниатюрная брюнетка по-хозяйски отдавала распоряжения направо и налево:

– Я же говорила, нужно было заранее все подготовить! Сколько можно повторять!

Почему все делается в последний момент?!

Увалень с камерой вяло отбивался от кавалерийских наскоков:

– Все нормально, Оля, чего ты кипятишься? Успеем мы все снять, и интервью записать...

– Успеем, успеем, вечно с вами так, – не унималась тележурналистка. – А кто мне репортаж с открытия роддома в прошлую пятницу завалил, а? Не ты с Шанцем? Понапивались как свиньи... скажи спасибо, что ты еще работаешь здесь, охламон.

– Да я-то что, – похоже, струсил парень. – Я готов.

Тем временем хозяева и дорогой гость, вдоволь налюбовавшись кораблем, решили, что переговоры готовы войти в новую фазу.

– Ну что ж, если нет возражений, то прошу подняться ко мне в кабинет, – заявил директор завода.

Иранец послушно наклонил голову – и вся компания, оставив корабль и тех, кто стоял рядом, направилась за директором. Хошейни шел торжественно, с достоинством неся свою полную фигуру, в окружении охранников. Группа поднялась по лестнице и вошла в директорский кабинет. Двое иранских охранников остались в низу лестницы, двое, развернувшись, стали по обе стороны двери.

Директор, как радушный хозяин, повел в кабинете рукой:

– Прошу садиться, господа.

Сам он сел за свой стол, иранца пригласил сесть рядом. Заняли принесенные стулья и остальные.

Иранец, наклонившись вполоборота к переводчику, что-то мелодично проговорил, после чего тот торжественно изрек:

– Господин Хошейни говорит, что он ничего не имеет против, если все документы будут подписаны как можно скорее. – Затем, выслушав новую порцию высказываний хозяина, продолжил: – Он вполне удовлетворен выполненной работой, которая принимается без каких-либо замечаний.

Эти слова вызвали энтузиазм заводчан. Директор расплылся в улыбке, смахивая невидимую пыль с поверхности стола.

– И мы, так сказать, ничего не имеем против, – он коротко хохотнул. – Поработали мы хорошо, качественно, поэтому за качество отвечаем. Да что говорить, – он повел рукой вокруг, – сами видите.

На стенах его кабинета во множестве висели какие-то грамоты, дипломы, сертификаты, свидетельствующие о том, что завод не первый день выдает на-гора корабли самых разных типов, размеров и предназначений. Модели этих самых кораблей также буквально наполняли весь кабинет, некоторые из них за недостатком места стояли на полках вертикально.

– Тут ведь вся наша история больше чем за триста лет, – с гордостью сказал Барышников. – Еще с тех самых времен, когда император Петр Великий собственноручно изволил начать это грандиозное дело – корабли в России строить.

Иранец восхищенно поднял брови, выслушав перевод.

– Ну, это, так сказать, далекая история, а историю сегодняшнюю делаем мы с вами. В том числе и этим договором, не правда ли? – вопросительно посмотрел директор на Хошейни.

Тот развел руками: дескать, о чем разговор, безусловно.

Директор оглянулся. Откуда-то из-за дверей сзади появился главный бухгалтер. Семенящей походкой он прошел к столу, за которым сидели Барышников и Хошейни, положил перед каждым папку с бумагами. Директор распахнул папку, привычным жестом достал из кармана авторучку и посмотрел вокруг победным взглядом:

– Ну?

Иранец замешкался. Главный бухгалтер выхватил из кармана своего пиджака дешевую шариковую ручку, щелкнул кнопкой и протянул иранцу.

Представитель Ирана помотал головой и отвел руку бухгалтера в сторону. Затем важно вынул из своего пиджака «Паркер», открыл его, демонстрируя всем золотое перо, и улыбнулся лучезарно.

Иранец, любуясь собой, поставил сложную, весьма витиеватую подпись. Директор вывел ниже свою.

Все заохали, заплодировали. Иранец улыбнулся, словно только что совершил подвиг, и подписал еще несколько документов, которые ему торопливо подсунул бухгалтер.

Директор завода, увидев, что документы подписаны, сорвался с места.

– Минуточку, господа, – с загадочным видом произнес он.

Тут же Барышников оказался у сейфа, стоявшего в углу кабинета. Сохраняя заговорщицкий вид, он открыл железную дверку и, повозившись еще с минуту, повернулся ко всем с подносом, на котором в центре стояла красивая бутылка водки. Ее окружали, как в хороводе, шесть маленьких рюмок. Поднос был поставлен на стол.

Директор важно взял бутылку и стал сворачивать пробку. Пробка, как оказалось, была сделана на совесть и сразу не поддалась. Барышников, комично сморщив лицо, поднатужился – на этот раз попытка оказалась успешнее. Затем принялся разливать водку по рюмкам. Лицо его было невозмутимо.

Во взгляде иранца появилось недоумение. Представители же российской стороны прятали улыбки. Кто-то сглотнул слюну.

Когда полупустая бутылка была возвращена на поднос, рюмки взяли: директор завода, контр-адмирал, вице-адмирал, заместитель директора завода. Главбух отказался.

– Я не буду, – заявил он, подняв ладонь.

– Что значит не буду? – зашипел директор, сохраняя доброжелательную мину на лице. – Все пьют, даже я. Ты мне тут трезвенника не строй, понял?

Главбух посмотрел на его багровую физиономию, думая о том, когда же этот боров отказывался от выпивки. Иногда вообще было непонятно, как он мог руководить заводом, находясь почти постоянно навеселе либо с похмелья. Все на заводе прекрасно помнили эпизод в богатой событиями жизни Барышникова, когда на приемке корабля, в присутствии черт знает каких высоких гостей «отечественного и заграничного производства» он упал вместе с кораблем в воду. Правда, на пару минут позже. И что? Да ничего! Другой бы в два счета с работы вылетел, а этот живет и процветает. Каждому свое...

– У меня печень, мне нельзя, – отрицательно покрутил головой бухгалтер.

– Печень у него... – пробормотал Барышников. – Можно подумать, у меня нет печени...

Наполненную рюмку пришлось взять начальнику отдела кадров. Вот он уже не спорил.

На подносе осталась одна рюмка. Все посмотрели на иранца. Тот, осознав ситуацию, замахал руками – мол, я не пью.

– Как можно! – принялся показывать знаками директор завода. – Не нарушай традицию, щучий сын. Давай сейчас же...

Иранец прикладывал руки к груди и улыбался виновато, что-то пробовал говорить. Никто не понял ни слова.

Наконец один из двух его советников сказал что-то иранцу на ухо. Тот понятиливо кивнул и сжал-таки рюмку в толстых красных пальцах.

Барышников выступил вперед. Его багровое лицо делалось еще торжественнее.

– А теперь, друзья, я хотел бы поднять этот тост за взаимное сотрудничество в военной сфере, – он с шумом перевел дыхание. – За то, чтобы наши страны всегда оставались добрыми партнерами и просто хорошими друзьями!

Все чокнулись, зазвенели рюмки. Иранец лишь поднял рюмку, но сразу поставил ее на поднос, так и не притронувшись к водке.

У директора завода наконец мелькнуло соображение, что ведь перед ним – представитель мусульманской религии.

«Ну да, – с сожалением глядя на Хошейни, думал он. – У них же это дело запрещено. Дикае люди!»

Некоторое время после первого тоста присутствовавшие переговаривались сдержанно, затем голоса стали звучать громче.

Директор завода вновь вооружился бутылкой и до конца разлил содержимое по рюмкам. Головнин откашлялся, прочищая горло.

– Второй тост я предлагаю от имени нашего Военно-морского флота. Я долго и красиво говорить не умею... Хотя мы люди и военные, но я скажу просто и коротко: за мир во всем мире!

Лица присутствовавших покраснелись.

– Не пьет, и шут с ним, – послышались голоса. – Нам больше достанется...

– Мурза... Басурманин... Двадцать лет назад мы таких в Афгане сотнями щелкали...

Иранец хранил невозмутимость. Он просто не слышал этих недипломатичных замечаний.

– Так, я смотрю, сосуд опустел, – поставил бутылку под стол Барышников. – На, Петрович, ключи. Достань-ка у меня из сейфа еще одну такую же.

Через минуту присутствующие принялись опустошать вторую бутылку.

Иранец, не принимая участия в общем веселье, вполголоса переговаривался со своими подчиненными, которые жадно внимали каждому его слову.

Новый тральщик был виден через плексигласовое окно кабинета директора. Сверкали под лампами дневного освещения надпалубные надстройки, грозно задирали спаренные стволы носовые и кормовые орудия.

– Красив, а? – директор завода остановился у окна и указал вниз рюмкой. – Так бы и взял себе, на дачу, вдоль берега ходить...

– Этот корабль уже не наш, за него заплачено звонкой монетой, – веско заметил Головнин.

Директор, почесав нос, поджал губы.

Наконец кто-то произнес:

– Хватит, пойдем, корабль будем показывать.

Директор повернулся к иранцу.

– Идемте, господин... э-э-э...

– Хошейни, – шепотом подсказал заместитель.

– Сам знаю. Пошли вниз! – махнул рукой Барышников.

Все спустились по металлической лестнице в цех. Там уже все было готово к встрече дорогих гостей. Сотня угрюмых рабочих стояла в кружок возле носа корабля. Тральщик, против российского обыкновения, не имел номера. Все чего-то ждали. Сбоку застыл духовой оркестр. На палубе суеился начальник отдела кадров, непонятно как и когда успевший забраться туда.

Когда иранец и сопровождавшие его лица приблизились к кораблю, начальник отдела кадров бросил что-то сверху.

Это «что-то» оказалось разматывающейся новенькой бельевой веревкой, и упасть она должна была в руки директора. Барышников сразу веревку не поймал и несколько раз промахивался, пока наконец не взял ее крепко в руки.

Начальник отдела кадров надежно привязал верхний конец веревки к борту. Барышников оглянулся.

– Бутылку!

Подскочивший сбоку бухгалтер подал бутылку шампанского. Директор завязал веревку на горлышке.

Затем он не менее торжественно вручил бутылку иранцу.

– Прошу вас! – он отступил на пару шагов, показав рукой на корабль.

Тот покрутил бутылку в руках и вопросительно глянул на директора. Советник снова наклонился к уху иранца, тот выслушал и кивнул понимающе.

– Мир, дружба, – тонким голосом заявил он и, размахнувшись, послал бутылку в полет.

Шампанское описало в воздухе широкую дугу и разбилось о борт, оставив на обшивке пенистое пятно. В стороны и вниз брызнули осколки.

– Нельзя было без этого? – вдруг произнес иранец по-русски.

– Нельзя, это старинная русская традиция, – зашептал в ответ директор завода. Но, осознав, что говорит с иранцем, округлил глаза. – А вы, оказывается, наш, – заметил он.

– Нет, не ваш, я гражданин своей страны, – сказал иранец и улыбнулся.

– Если уж говорите по-русски, – протиснулся к иранцу контр-адмирал, – не скажете, как собираетесь назвать корабль?

– О, насчет этого принимал решение наш высший военный совет! – Иранец сложил губки бантиком. – ...Но я не знаю, как это будет по-русски...

Вездесущий советник склонился к его уху, и Али аль Хусейн произнес:

– «Память мучеников джихада», – и густо покраснел.

Раздался крик, впрочем, восторженный. Тральщик пришел в движение, это выглядело впечатляюще – даже несмотря на то что корабль имел, в общем-то, скромные размеры.

Оператор телебригады нацелил на иранца камеру. Появилась брюнетка-тележурналистка. Сунув иранцу под нос микрофон, она быстро сказала окружающим:

– Господа, прошу прощения, вы меня тоже интересуете, но прежде я хочу побеседовать с господином... – Девушка вопросительно посмотрела на иранца.

Тот обернулся к ней.

– Ольга Шерстнева, агентство городских новостей, – обратилась она к иранскому гостю.

– Что вы хотите? – На его лице вновь сверкнула улыбка.

– Я бы хотела, чтобы вы произнесли приветственную речь. Это должно выйти в вечернем эфире, как пример нашего добрососедства и сотрудничества.

– Ну что ж, – провел рукой по выхоленным усам иранец. – Почему бы нет? Это можно.

– Андрей, быстренько сюда! – замахала рукой репортер.

Протиснувшийся оператор нацелил свою камеру на представителя дружественной восточной страны.

– Пожалуйста, можно начинать, – кивнула головой девушка.

Иранец достал из кармана расческу, отливавшую перламутром, пригладил волосы и откашлялся.

– Хорошо. Сегодня у нас такой знаменательный день, и хотелось бы сказать несколько слов о наших странах, о странах-соседях. Веками мы жили рядом, бок о бок. Все было – и плохое, и хорошее, как оно всегда и случается между соседями. Но больше было хорошего. Народ нашей страны, как и ваш, больше любит работать, а не воевать. Как и Россия – мы мирная страна. Но если враг нападал на нас, то без возмездия, – поднял иранец указательный палец, – он не оставался. Поэтому мы помним о том, что всегда должны быть наготове. Особенно сейчас, когда в мире есть страны, диктующие всем свои правила – как жить, с кем дружить и так далее. А России и Ирану делить нечего. Мы – добрые соседи. У наших государств есть духовные связи, они напоминают о единых корнях христианства и ислама. Наш Иса – это ваш Иисус, наш Муса – ваш Моисей.

Рабочие, которые стояли близко, заинтересовались прочувствованной речью гостя. Пожилые женщины особенно внимательно слушали, как иранец цитировал суру Корана, где христиане были названы «братьями» мусульман. Все были тронуты.

Дирижер взмахнул жезлом, и военный оркестр заиграл марш «Прощание славянки». Директор завода испуганно округлил глаза.

– Идиот! – прошипел он.

Его заместитель обежал музыкантов и, став сбоку, начал подавать знаки дирижеру. Дирижер понял, и оркестр, отыграв куплет, замолк.

Мероприятие было закончено. Теперь предстояла нелегкая задача – перегнать тральщик к месту постоянной дислокации – в территориальные воды Исламской Республики Иран.

Глава 3

Скупые лучи северного солнца, пробиваясь сквозь облака, как бы нехотя бросали блики на северную оконечность Кольского полуострова. Небольшой военный городок, лежавший на берегу, жил обычной размеренной жизнью. Военные корабли, грузовики в порту, домики и казармы, разбросанные тут и там, свинцовый океан – все рождало ощущение серьезности, сдержанности.

В нескольких километрах от городка располагалась военно-морская база. И тут все было суровым: и серые камни, и могучие, словно высеченные из этих камней, силуэты военных кораблей. Да и люди здесь служили особые – своеобразная «северная порода», продутые насквозь ветрами.

Большие волны, рождаемые северными ветрами, с грохотом накатывали на берег. В одном месте берега невысокие горы, спускаясь к морю, образовывали маленькую бухту, в которой почти всегда было тихо и уютно.

На каменистом берегу бухты, у самой воды, сидели двое. Вихрастый белобрысый мальчишка лет десяти в свитере, джинсовой куртке, с полосатым шарфом, повязанным на шее, сосредоточенно крутил в руках моторную модель военного корабля, заканчивал последние приготовления к запуску. На изготовление этого шедевра мальчик потратил без малого четыре месяца, но время того стоило – корабль получился на славу. Вплоть до последней малюсенькой детали все было идентичным эсминцу «Грозный», который нес боевую вахту недалеко от этих мест. Сейчас мальчик менял в пульте батарею – точно такую же он недавно поставил внутрь корабля.

Рядом с пацаном, который, казалось, забыл в эти минуты обо всем на свете, опустился на корточки высокий мужчина атлетического сложения с обветренным лицом и морской выправкой. Несмотря на гражданскую одежду, нетрудно было угадать в нем офицера. И сразу было понятно, что это – отец и сын.

– Ну что, Андрей, пора пускать на воду наш эсминец. – Отец с теплотой поглядывал на парнишку. – И поспеши, пока вода спокойная. А попадем под дождь – точно влетит нам от нашей мамы.

– Сейчас, еще немного, – пыхтел мальчуган. – А дождя я не боюсь, ведь плохой погоды для настоящего мужчины никогда не бывает, да, папа?

«Моряк растет, настоящий моряк, – с гордостью думал мужчина. – Да иначе и быть не могло».

Небо и правда было хмурым. С утра казалось, что дождевые тучи, которые уже несколько дней метались над городом, ушли куда-то на запад, но к вечеру хмурое небо, похоже, готовилось снова опустить пелену накрапывающего дождика.

Здоровяк глядел на небо, чуть прищулив глаза.

– Пап, обожди, мы же главное забыли! – Рот мальчишки расплылся в улыбке до ушей.

– О чем ты, Андрей? – спросил отец, глядя на модель. – По-моему, эсминец наш укомплектован полностью.

– А Андреевский флаг?! – Мальчик подбежал к спортивной сумке, лежавшей в нескольких шагах на камне, густо поросшем серебристым мхом, и достал оттуда небольшую коробочку.

– Правильно, сынок, без флага любой корабль – не боевая единица, а так, консервная банка! – сказал мужчина. – А для нашего, российского военного корабля это, знаешь, верно вдвойне! – Когда мальчик вернулся, отец похлопал сына по плечу.

– А правда, пап, что в бою, даже под градом пуль и снарядов, наши моряки всегда заменяли сбитый флаг? – спросил мальчишка.

– Да, так и было всегда, – кивнул отец.

– И даже рискуя своей жизнью?

– И рискуя, и погибая, – кивнул головой мужчина. – Это тебе, Андрей, какой угодно моряк подтвердит.

Андрей, высунув от напряжения язык, аккуратно прилаживал на флагшток миниатюрный стяг с перекрещенными синими полосами. Работа приближалась к концу. Однако торжественно спустить эсминец на воду все же не удалось. Ответственный момент был нарушен приближающимся гулом машины. Из-за возвышенности, что скрывала бухточку, послышался звук мотора, и на гребне показался военный «уазик». Перевалив через склон, машина лихо, с разворотом остановилась. На прибрежную гальку вышел водитель.

– Товарищ старший лейтенант, вас срочно вызывают в штаб! – водитель, старший сержант, смотрел без улыбки, желваки ходили по длинным, вытянутым книзу щекам. – Супруга ваша сказала, где вас искать, – добавил он. – Вы уж извините, это весьма срочно.

Здоровяк встретился с водителем взглядом, в глазах сержанта мелькнуло сожаление.

– Ну что ж, сынок, придется нам в другой раз опробовать наш эсминец, – со вздохом произнес мужчина. – Собирайся, морская служба есть морская служба.

«Ну вот, как всегда, – с горечью думал Андрей. – Только с папкой вместе выберешься куда-то, как тут же – найдут, вызовут, и месяц его не увидишь». Однако, будучи сыном морского офицера, он уже в свои двенадцать лет многое прекрасно понимал. В том числе что служба есть служба и приказания должны выполняться беспрекословно. Да и для себя он давно и твердо решил, что станет только морским офицером, и поэтому подобные ситуации переносил стойко, готовясь в будущем надеть кортик.

Старший лейтенант был более чем привычен к такому развитию событий. Нечастые дни, которые можно было вот так провести с сыном, обычно и прерывались известиями типа: «Вас вызывают в штаб». Но чему было удивляться? Старший лейтенант Сергей Павлов, за свою смелость прозванный на всем Северном побережье Полундра, был нужен всем и всегда. Элитный отряд подводного спецназа, которым командовал Павлов, был уникальной единицей Северного флота. Впрочем, надо сказать, что северными морями деятельность этих ребят совсем не ограничивалась. В царстве Нептуна им хорошо были известны уголки от экватора и до полярных льдов. Боевые пловцы бывали в сложнейших переделках, многое повидали на своем веку, иногда им и выжить-то было проблематично, не говоря уже о выполнении поставленного задания. Однако задания командования всегда оказывались выполнены, и, надо сказать, так, что Родине краснеть за них не приходилось.

Отряд боевых пловцов был задействован во многих операциях, где требовались не только смелость, решительность и сила, но и неординарное мышление. Ребята Павлова выходили с достоинством из сложнейших ситуаций. Охрана важнейших объектов, секретные операции на чужой территории и предотвращение диверсий на своей земле, поиск на дне того, о чем не скоро станет известно широкой публике, виртуозное владение многими, едва ли не всеми видами классического и новейшего оружия – обычного и способного поражать цели под водой. Одним словом, элитное подразделение боевых пловцов под командованием Сергея Павлова не имело себе равных. Широко известный в узких кругах морских офицеров старший лейтенант морского спецназа Сергей Павлов по прозвищу Полундра имел на своем счету немало заданий, которые и не снились сценаристам Голливуда, но о большинстве из них никто и никогда не узнает – уж очень они были ответственными. Кочевая жизнь была для него нормальным, естественным состоянием, и долго высидеть на берегу он попросту не мог.

Все эти мысли вереницей проносились в голове Сергея Павлова, пока старший сержант Сивоконь вез отца и сына к родному дому. Высадив мальчишку, Павлов вернулся в «уазик». «Что ждет меня на этот раз?» – подумал он, глядя на городок, видневшийся с дороги как на ладони.

* * *

Город из белого камня возвышался на берегу Каспийского моря. Еще с давних времен Баку считался одним из наиболее красивых городов Закавказья, да и не только. Мнение это действительно было справедливым, особенно если говорить о центральной части города. Исторические памятники, дворцы, мечети могли заинтересовать каждого любителя старинной архитектуры. Центр Баку выглядел довольно-таки по-европейски, и немудрено – ведь город строили англичане, которые в конце XIX века разрабатывали тут нефть. А в целом город был довольно шумный и грязный, как все восточные города.

Белокаменным, впрочем, был только центр, а дальше начинались сталинские кварталы, которые выглядели как все, возведенные в послевоенные годы во всех городах некогда огромного СССР. Окраины города были застроены опять-таки унифицированными микрорайонами, разве что с азербайджанским колоритом.

За микрорайонами начинались поселки коттеджей. Вот здесь было на что посмотреть. Восточная роскошь в современном исполнении могла поразить даже бывалого человека. Каждый из хозяев этих великолепных строений – среди них были и первые лица Азербайджана – старался превзойти соседей в красоте и убранстве своего дома. Все это превращалось иногда в настоящее соревнование. Белоснежные мраморные дворцы, настоящие чудеса архитектуры, украшали берега Каспийского моря, радуя глаз одних и вызывая зависть у других.

Мужчина лет пятидесяти с лишним, полный, невысокого роста, открыл массивную дверцу холодильника и вынул банку пива. Он подцепил ногтем крышку и оторвал ее. Пиво зашипело, мужчина радостно пробурчал что-то. Жадно припав к банке, он разом проглотил половину содержимого, оторвался, перевел дух и с удовольствием вытер губы тыльной стороной ладони. Подойдя к окну, он зевнул и постоял с минуту, лениво почесывая толстый затылок.

Когда он с полупустой банкой в руке возвращался к креслу у телевизора, взор его скользнул по мониторам видеокамер. На первом мониторе было видно, как садовник обрабатывает газонокосилкой лужайку перед домом. Опытные руки ловко управлялись с тихо гудящим аппаратом, оставляя чистые полосы свежескошенной травы. Второй экран демонстрировал волны, набегающие на пляж. Песчаный пляж был совершенно пуст, только маленькая собачка прыгала, резвясь, на мокром песке. И третья камера показывала участок расплавленного под солнцем асфальта перед входной калиткой. Жара стояла страшная, но в комнате, где работали несколько кондиционеров, была просто благодать.

Все вокруг дышало спокойствием. Никого не интересовал коттедж бывшего министра рыбной промышленности Азербайджана, и это, пожалуй, было к лучшему.

Один из углов комнаты занимал дорогой музыкальный центр, из высоких колонок лилась песня в исполнении Муслима Магомаева:

Ушли от моря горы, жажду утолив,
И лег на берег город, охватив залив.
Он стар и вечно молод, здесь, на берегу —
В залив глядится город, город мой Баку!

Ты весь из золота соткан и на склоне дня-а-а
Закатным золотом окон одаришь меня.

Мужчина мечтательно зажмурил глаза, откинувшись на спинку мягкого кресла.

Волна зари качает стаи кораблей,

Белей нет в мире чаек, моря голубей.
На город наглядеться вновь я не могу,
И я вхожу, как в детство, в город мой Баку.

«Ты весь из золота соткан и на склоне дня-а-а-а...» Зазвонил телефон. Толстый мужчина в шортах и тенниске направил руку с пультом на музыкальный центр и с сожалением сделал звук потише.

– Да, дорогой. Слушаю тебя. – В руке мужчины появилась мобильная телефонная трубка. Звонивший произнес длинную фразу.

– Все у меня хорошо, вот, старыми песнями балуюсь. – Мужчина с любовью посмотрел на музыкальный центр. – Знаешь ведь, вчера было все хорошо, а сегодня все – плохо! Вот! А завтра-то будет – вовсе конец мира! – Мужчина отхлебнул пива из банки и захохотал, тут же поперхнулся и вытерся кулаком, в котором держал банку.

Телефонный собеседник ответил еще более длинной фразой.

– Ну и как там у тебя дела, в Осло? – спросил мужчина через секунду. – Что ты говоришь? Опять россияне сбивают цены? Ах, ах, ах...

Бывший министр рыбной промышленности Азербайджана Рафик Мустафович Мустафов был и вправду взволнован. Пару лет назад он вышел в отставку, однако бизнес не давал ему скучать. Рафик Мустафов продавал черную икру.

Этот вид бизнеса был весьма выгодным.

В мире существовало около 70 международных рыбных бирж, в том числе пять или шесть в России. Однако мировые цены на ценные породы рыбы, морепродукты и особенно икру диктовали биржи Японии, Норвегии, Франции и Испании. Рыбная биржа в Осло считалась одной из самых влиятельных в Европе.

Потому господин Мустафов и послал своего человека в Осло. Человек этот сейчас поведал ему много интересного. К сожалению, информация была совсем не такой, какую ожидал Мустафов. Дела в этот раз складывались печально. По словам звонившего, русские цены оказались настолько ниже азербайджанских, что с фирмой «Солнечный берег» никто не хотел заключать сделки. И все это – несмотря на квоты вылова осетровых. Эти квоты в Российской Федерации официально составляли 45 тонн в год. На самом деле астраханские браконьеры добирали в десять раз больше.

Рафик Мустафов мог рассказать многое о фьючерсных ценах на осетровых и особенно на икру. Средняя оптовая цена килограмма черной икры, если только икра не была так называемой ястычной, – 1100 евро. Это много, очень много, потому бизнес и считался выгодным.

Да, дела обстояли из рук вон плохо. Если не тормознуть россиян, можно было считать себя прогоревшими.

Было и еще одно обстоятельство, которое беспокоило Рафика Мустафовича. Российская икра была гораздо выше по качеству, чем азербайджанская или, к примеру, иранская. В Азербайджане и Иране мальков из икринок выводили в специальных закрытых водоемах.

– Ясно, я все понял. Дела, конечно, неважные. Ну ничего, выход, я думаю, обязательно найдется. Придется, дорогой, связаться с нашими друзьями иранцами, – произнес в трубку Рафик Мустафович задумчиво. – Не хочется, но, видно, иначе нельзя. Вместе что-нибудь да придумаем.

Ход напрашивался сам собой – если бы каким-то образом удалось устранить с рынка русских, Мустафов и его иранские друзья могли бы стать международными монополистами в торговле осетровыми. Это было весьма заманчиво.

– Отлично! В нашей ситуации лучше уже не придумать, – в момент понял босса телефонный собеседник. – Кошмарная международная репутация иранцев позволяет им вытворять все, что угодно. Тут есть о чем поговорить, и, кажется, я уже все придумал.

Мустафов беспокойно заерзал в кресле.

– Послушай, дорогой, если у тебя есть план, рассказывай дальше, не томи душу.

– Все по приезду, – прозвучало в ответ.

– Ну что ж, буду ждать тебя с нетерпением, – проговорил Мустафов. – Да-да, приезжай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.